

Василий Иванович Немирович-Данченко

Аул

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904 — 1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Аул**

На скале, точно на ладони приподнятый к самому небу, весь в розовом сиянии утренней зари, лепился каменный, склеившийся из башен аул. С одной стороны над бездною он повис ласточкиным гнездом. В потёмках пропасти ворочалось и стонало неугомонное чудовище горного потока. Сакли будто выросли из самого утёса. По крайней мере, нельзя было определить, где кончался он и начинались те. От грохота воды, бушевавшей в теснинах, иной раз чудилось, точно вздрагивали горы. Во время оно крики таких же потоков подслушал грек-странник и создал дивный миф о Прометее, прикованном к кавказскому утёсу. Лезгины тоже одушевляли свою грозную природу: по ночам ангелы всемогущего Аллаха падающими звёздами поражают гордых шайтанов, и побеждённые демоны низвергаются в глубину дагестанских бездн и там, в пене и волнах студёных вод, мучатся от невыносимых страданий.

Одинокое дерево чуть-чуть выдалось кудрявою вершиною над зубчатою стеной у самого купола горной мечети, тоже похожей на башню. Напрягая зрение, отсюда, в ослепи-

тельном блеске уже родившегося дня, можно было бы отличить и на других утёсах далеко-далеко забравшиеся в самое поднебесье такие же аулы. Кажется, дунет ветер посильнее, и все их башни и стены разом снесёт в бездонные провалы по сторонам. Но годы проходят за годами; непогоды бешено громят горные узлы и твердыни Дагестана, а скалы лезгинских аулов стоят себе среди каменного великолепия своей сумрачной родины.

Тишина!..

Такая тишина, что шум потоков в безднах ещё более оттеняет её. Гулкий выстрел, прокатившийся по дну запылённого туманом ущелья, повторился несчётно отдалённейшими долинами. Ему отозвались приветом на привет скалы, каких не разобрало бы око зоркого вершинного горца, привыкшего к безграничным горизонтам. В ближайшем ауле на плоскую кровлю сакли выбежал лезгин, приставил ладонь к бровям, пытаясь всмотреться вниз во мглу. Но там опять всё замерло, и, постояв немного, он сообразил, что по заре охотники-дидойцы выследили джейрана у воды. В самой сакле проснулась и на её каменный по-

рог выбежала девушка с глиняным кувшином в руках.

— Эй, урус [1]! — задорно и громко крикнула она во мглу ещё не проснувшегося ущелья...

Из этой мглы выступала только тёмная плоская кровля затерявшейся там сакли.

— Урус! Тебя я зову! — смеялась она, сверкая большими, чёрными глазами, над которыми срастались тонкие брови.

Ей не отвечал никто.

— Спит ещё, должно быть!

Она стала уверенно спускаться вниз к потоку, шумевшему в тумане, по крохотным ступеням, вырубленным в цельной скале. Она даже не смотрела, куда идёт, до того освоилась с этою козьей тропою. Ей от прохлады внизу стало весело.

— Что ж это Аслан-Коз... и другие?.. Или я встала слишком рано.

Около был клочок земли, на котором раскрыли благоуханные венчики горные фиалки. Девушка поставила кувшин и, в ожидании других лезгинок, села на каменную ступень, глядя вниз. Её не смущало, что путь был

пробит над пропастью, по карнизу, где только и помещалась её узенькая ступня. Она даже стала шаловливо раскачиваться, рискуя слететь в бездонную низину. Её в утреннем воздухе точно поддерживали крылья.

— Эй, урус! — крикнула она ещё раз.

Эхо замерло в далёком ущелье, но никто опять не отозвался.

Она ненадолго задумалась, о чём — и сама бы не ответила, и вдруг по всему этому ущелью прокатился её звучный, грудной голос. Казалось, чудной природе недоставало только песни, чтобы разом стряхнуть с себя очарование холодной ночи.

Полузажмурясь, девушка пела, нисколько не заботясь, слушает её кто или нет:

«Смертоносный клинок мой со мною,

Я очистил и дуло ружья.

Глаз мой верен и зорок... С тобою

Будет весело горной тропею

Убежать нам, орлица моя!

?Пусть настигнет, исполненный мести,

Твой отец, нас обоих кляня.

Умереть не боимся мы вместе:

—
Пуля меткая — в сердце неве-
сте,

Смертоносный клинок — для
меня.

?Азраил унесёт нас высоко,
Где волшебные птицы поют.
У дворцов бирюзовых Пророка
Там прекрасные звёзды востока
На деревьях волшебных цве-
тут».

Она даже подняла голову вверх, точно желая рассмотреть, не покажется ли и ей в густевшей уже синеве неба сказочный дворец, но, вместо его бирюзовых стен, она увидела своих подруг, по таким же узеньким тропинкам и лестницам бежавших с кувшинами на правом плече и звавших её.

— Селтанет, Селтанет! Ты всегда первая!.. Ранняя птичка!..

Они вместе сошли вниз, откуда скоро слышался звон воды, падавшей в кувшины, и громкий смех молодых лезгинок. Селтанет хохотала громче всех, точно отводя душу после долгого молчания в доме сурового отца.

— Что это с тобою? — спрашивали её другие девушки.

— Ей урус сегодня сорвёт ветку аксана!

Селтанет нахмурилась. Сорвать ветку этого горного куста значило то же, что посвятаться.

— Мне незачем: меня ещё не собираются продавать туркам.

Одна из девушек беспечно захохотала.

— Это ты «на мою кровлю шелуху выбросила». Что ж, я нисколько не жалею, что меня отец продаёт. Мне уж надоело здесь на одних чуреках да на кислом арьяне [2] сидеть. Рубашки не на что сшить: одна, да и та в лохмотьях. А там богато живут: каждый день буду новые шёлковые шальвары надевать... С позуменгами. Чахлан [3] в золоте... Все мне позавидуют; без баранины есть не стану. Ни одна казикумукская невеста такой жизни не видала. Все вы станете завидовать Девлет-Кан. Каждое утро я буду пить душаб [4].

— Кукуруза дома лучше шербета на чужбине!

— Оставь её, Селтанет; ты видишь, девка с ума сошла совсем. Скорее заставишь змею

хвостом шипеть, чем её убедишь.

Селтанет ещё раз оглянулась на толстую Девлет-Кан и, покачав головою, пошла вверх. За нею быстро подымалась та, которая первую отозвалась ей.

— Ну, что, Селтанет, ты всё сделала, что я советовала тебе?

— Да, Аслан-Коз! Положила себе на ночь под подушку турлан с жареными зёрнами ячменя.

— А турлан сама вырвала в поле?

— Как солнце садилось, — нашла эту траву и выдернула, глядя на запад, к Мекке.

— И всё зелёным шёлком завернула?

— Как ты говорила, так и сделала. Только Бог знает какие сны видели: душили меня, в воде я тонула, в пропасти падала.

— Это значит — «дивы» пошутили над тобою. Повтори ещё раз сегодня. Да! Ведь вчера суббота была, — тогда всё понятно. Суббота самый несчастный день в неделе, — в субботу, сама знаешь, никто ничего не предпринимает. А уж гадать и подавно не следует. Повтори опять сегодня, — увидишь. Я на прошлой неделе сделала это в ночь на четверг, —

отличный сон видела. Как будто мой брат из набега привёз пропасть всякого добра, и шёлковых материй, и золотых монет. А Селим вместе с ним столько награбил, что сразу весь калым заплатил за меня отцу и женился на мне. Должно быть, скоро наши уйдут на газават [5], за Дербент и тогда сон мой исполнится. Жаль, Селтанет, что после таких снов просыпаться приходится! Вместе бы мы и свадьбу сыграли.

— Не вбивай гвоздя в стену для рогов, когда тур ещё по горам бегают.

— Сон на четверг лгать не может. Четверг не суббота. А мне жалко Девлет-Кан, всё-таки она росла с нами.

— Что её жалеть; тоже нашла! Она спит и видит, чтобы её продали скорее. И родня у неё всё такая. Бабка её у нас по горам славила — колдунья была. Никто лучше её не мог найти хапулипхер [6] в поле. А искала ведь в тёмные ночи, когда ни одной звезды на небе не было!

— Зачем ей?

— Много она народа этим корнем испортила! Ты знаешь, он ведь на медвежью лапу по-

хож. Рвать его надо с умом. Лечь на землю так, чтобы собою все его листья покрыть, вырвать сразу, — когда оканчиваешь заклятье, а потом высушить в печи и опрыскать кровью совы... Тогда примешай к просу или к айрану — и дай кому хочешь, сейчас же залает собакой, ум потеряет, высохнет весь и умрёт. Такого испорченного убить надо, потому что он на смерть может закусать каждого.

— Ну, Девлет-Кан не такая. Она просто глупа.

— Не такая? А я раз её на чем поймала. Иду мимо ночью, а она золу из дому выбрасывает [7]. Не такая! Нет, уж лучше пусть её туркам продадут. Может быть, и в самом деле ей там слаще будет.

Аслан-Коз оборвалась разом.

Над одной из башен вверху, стоявшей на самом темени утёса, показался мулла в зелёной чалме и, окинув взглядом горы и ущелья, вдруг приложил к губам ладони и на весь этот простор, над безлюдными улицами аула медленно и печально стал выкрикивать священные слова Корана:

— Ля-илляхи-иль-Алла!.. Магомет-рас-

суль-Алла!.. [8]

Точно ожидавший этого призыва, на голос муэдзина со всех сторон на кровли саклей выползал народ. У каждого лезгина был коврик в руках, у кого такого не было, тот выходил с черкеской. Разостлав их на крыше, правоверные становились на колени.

Начинался самый важный из намазов — первый утренний. Все в ожидании его уже совершили положенное законом омовение и теперь, обращаясь лицом к Мекке, читали молитвы и делали установленные поклоны. Пропустить этот намаз — большой грех. Вышел на кровлю и отец Селтанет, снял верхнюю одежду, разостлав её и, сначала стоя, прочёл первую молитву — альхам:

«Во имя Бога милосердного, да будет благословен день и час сей. Хвала Господу всех творей, Царю судного дня. Хвала Владыке добродееющему всем на земле, имеющим дыхание, и на том свете вознаграждающему добрых и карающему злых... Тебе мы служим, к Тебе прибегаем за помощью, настави нас на путь правый, угодный Тебе, отклони от нас всё злое. Избави нас от соблазнов шайтана. Да бу-

дет так, да будет так, да будет так!»

Старик теперь опустился на колени.

Окончив намаз, старик строго посмотрел на стоявших внизу в благоговении Селтанет и Аслан-Коз.

— Если бы вы не болтали внизу лишнего, — не опаздывали бы к молитве... Недаром наша пословица говорит: где соберутся две девушки, — там три зла, потому что между ними всегда шайтан!

Он дождался, когда зелёная чалма муллы исчезла с башни, заменявшей здесь минарет, и зорко начал вглядываться в глубину долин, откуда туман уж подымался вверх по утёсам и склонам гор. Сакля старого Гассана стояла у края аула — там, где защитниками его были построены про всякий случай каменные стены с зубцами. За ними — пропасть, по другую сторону которой далеко-далеко одно за другим раскидывались ущелья, и долины, и Бог весть где — в воздухе, у самого небосклона, голубел похожий на мираж Каспий.

Когда отец Селтанет устал смотреть вдаль, внимание его вызвал шум на узких улицах аула. Путь по ним шёл ступенями, то вверх,

то вниз. Они змеились во все стороны, то огибая выступы скалы, то минуя трещину, dna которой было не видно, переплетались узлами, запутывались в лабиринты и распадались на другие но всякий раз так, чтобы любое место их можно было обстреливать, по крайней мере из трёх или четырёх пунктов сразу. Часто поперёк такой теснины между саклями торчала башня, опиравшаяся на их кровли и кое-как выложенная из дикого камня. Перегораживая улицу, она давала возможность нескольким удальцам, засевшим в неё, бить на выбор вверх или вниз всех, кто неосторожно забрался бы в эту западню. Проход для народа был под башней, а её бойницы грозно смотрели во все стороны. Самые сакли лезгинского аула были выстроены так, что всякая при необходимости могла обратиться в крепость. Окна узкие и чёрные были достачны для ружейного дула, но слишком малы для того, чтобы свет проникал в темноту, за ними. Плоские кровли, крытые киром, тоже ступенями лестниц разбегались во все стороны. Эти ступени покрыли вершину горы, на самое темя которой взобралась старая ме-

чень. Каждая кровля была двориком для следующей, стоявшей над ней, сакли. От одной к другой часто опускались деревянные лестники, и словоохотливые лезгинки вовсе не нуждались в улицах, чтобы с одного конца этого населённого и большого аула попасть на другой его край. Кое-где были площадки с ладонь. На них порою торчало жалкое деревцо, чаще всего карагач, не находившее достаточно соков в жёстком теле утёса, трещины, которого оно заполняло своими цепкими корнями. Около мечети, вверху, по обычаю, раскидывалась главная аульная площадь — Гудекан, где происходил джамаат — народные собрания, советы стариков. Издали площади этой видно не было, но зато на неё снизу горцы нанесли в корзинах земли, и там выросла единственная здесь могучая чинара, покрывавшая её шатром своих ветвей. Со всех сторон на этой площади сделаны были навесы, под которыми в обыкновенные дни продавались всякая мелочь и оружие. В праздники здесь совершался суд по обычаю (адат), или по Корану (шариат). Старик Гассан вырос в этом ауле. В молодости он выезжал отсюда

только в набеги на русские станицы; но когда глаза его стали плохо видеть, а душа охладела к боевым приключениям, он засел в скале и стал только принимать участие в джамаате. Влияние его на нём росло, и он вместе с другими «почётными стариками» стал красить себе бороду в красное — хною, занимал в мечети место у решётки, за которой заседали муталлимы, и во всех процессиях ему принадлежала завидная роль нести перед муллою саблю и рубить голову жертвенному барану, кровь которого непременно должна была брызнуть на ступень мечети. У Гассана была только одна дочь Селтанет, но он гордился ею. Такой красавицы не было ни в одном из окрестных аулов. Джансеид хотел жениться на ней, — но у кавказских горцев невест покупали, а старик знал цену своему товару и назначил за девушку такой калым, что юноше оставалось или отказаться от неё, или сделать отчаянный набег в русские пределы. Он ждал такого вместе с своим другом Селимом, женихом Аслан-Коз. В лезгинских аулах девушки были свободны. Они делались рабынями, только выходя замуж, когда старухи по-

крывали им лицо белыми чадрами.

Солнце начинало уже сильно пригревать.

Гассан сбросил длинную тавлинскую шубу с узкими рукавами в которые нельзя было просунуть руки, рукавами, падавшими на землю и волочившимися по ней, — и растянулся на плоской кровле. Он стал было засыпать, как вдруг вздрогнул и поднялся. Совсем не в урочное время «будун» — помощник муллы с верхушки башни стал выкрикивать на весь лезгинский аул — призыв на джамаат:

*Велик Аллах, велик Аллах!..
Свидетельствую: нет иного,
кроме Единого!
Свидетельствую: Магомет —
посол его!..
Приходите молиться,
Приходите к счастью:
Молитва лучше сна и покоя!..
Велик Бог, велик Бог! —
Нет Бога, кроме Бога —
Сходитесь, правоверные, к джамаату,
Бросайте сакли и занятия,
Торопитесь послужить делу ве-*

*ры,
И да будет проклят тот,
Кто отвратит сердце от этого
призыва!..*

Аул ожил.

Точно кто-то расшевелил муравейник. Ступени узких улиц покрылись народом. Люди перескакивали с кровли на кровлю, перекликались с одной башни в другую. Старик Гассан оправил на поясе кинжал, с которым горец не расстается даже у себя в сакле, крикнул Селтанет, чтобы та подала ему пистолеты и папаху, опять надел на плечи длинную тавлинскую шубу и с важным видом сошёл в тень и прохладу закоулка, круто поднимавшегося вверх к мечети. По пути его нагнал другой «почётный старик», тоже с окрашенной хною бородою, но в зелёной чалме.

— Алла да благословит тебя, Гассан.

— Милость его на тебе.

Обоих разбирало любопытство: зачем их зовут на гудекан, что за джамаат должен там собраться? Но оба были бы слишком плохими горскими дипломатами, если бы выразили это хоть одним вопросом. Напротив, лица у

обоих выражали, как будто каждый из них отлично знает в чём дело, но бережёт это про себя. Гассан тем не менее не выдержал и спросил у приятеля:

— Вчера кабардинский князь приехал и остановился в кунацкой у муллы?

— Я его видел. Шашка в золоте... Конь из Карабаха, — шерсть так и горит на солнце. Ночью привезли старого турецкого муллу, того самого, что недавно жил у казикумухцев и хунзахцев.

— Он у себя в Требизонде великий шейх.

Позади нетерпеливо подымалась толпа молодёжи. Их черкески были в позументах, оружие в серебре. Только несколько узденей между ними щеголяли лохмотьями, точно показывая презрение к пышности. Глаза у всех так и горели. Хотелось каждому узнать скорее, зачем зовут на джамаат, но никто не решался перегнать стариков, медленно подымавшихся впереди. Даже когда усталый Гассан остановился и рукою пригласил их идти далее, Джансеид и Селим, шедшие в голове этой внезапно присмирившей орды, покорно сложили руки на груди и потупились в знак

полного самоотречения.

— Идите, идите! Молодым соколам трудно ожидать старых ослабевших ворон.

— Нет, отец, — отозвался Джансеид, — у нас ещё только отрастают когти, — кому же, как не сильному лезгинскому орлу вести нас и в бой, и на джамаат.

Гассан ласково улыбнулся и положил руку на плечо Джансеиду.

— Помоги мне, соколёнок.

Он подымался вверх, опираясь на него, и Джансеид боялся только одного, как бы не оступить, уравнивая свой шаг с медленною поступью отца своей Селтанет. Джансеид являлся образчиком горской красоты и старик Гассан искоса любовался им.

«Я сам был когда-то такой», — думал он.

Под чёрными сраставшимися бровями открыто смотрели пламенные глаза. Тонкий нос придавал лицу молодого лезгина что-то хищное. Смело улыбались губы, и выражение силы и мужества лежало на всей его фигуре, сказывалось в каждом его движении. Широкие плечи и тонкая, как у девушки, талия — по горской пословице, — если бы он лёг на

бок, то под его станом свободно могла пробе-
жать кошка.

1902

Примечания

русский

[^^^]

простокваша

[^^^]

куртка

[^^^]

4

питьё, составленное из мёду с лепестками различных цветов

[^^^]

5

священная война с неверными

[^^^]

собачья — лай-трава

[^^^]

Это, по мнению суеверных лезгин значит на-
водить порчу на ту сторону, куда летит зола

[^^^]

8

Нет Бога, кроме Бога, и Магомет пророк Бога!..

[^^^]